

предлагавшиеся публицистом, удовлетворить их не могли, ибо приводили к падению их доходов».⁵⁹

С крестьянством А. А. Зимин связывает другого публициста XVI в. — Артемия. Говоря о сочинениях этого нестяжателя, А. А. Зимин пишет: «Патриархальное крестьянство русского Севера, страдавшее от наступления монастырей-вотчинников на черные земли, а также монашество заволжских пустыней составляли ту социальную среду, которая жадно воспринимала идеи старца Артемия».⁶⁰

Попробуем разобраться в этой формулировке — такой разбор поможет нам и в оценке других приведенных выше социальных характеристик. О чем здесь говорит А. А. Зимин — о популярности идей Артемия среди крестьян или о том, что эти идеи объективно соответствовали классовым интересам крестьян? Теоретически нет ничего невозможного в том, что идеи Артемия могли привлекать крестьян. Но на основании имеющихся у нас источников мы не можем утверждать, что основной аудиторией, «жадно воспринимавшей» идеи Артемия, были крестьяне (можно говорить лишь об интересе к проповеди Артемия со стороны Феодосия Косого); внимание крестьян к проповеди Артемия А. А. Зимин выводит главным образом из объективного смысла этих идей, считая их, следовательно, в той или иной степени соответствующими классовой идеологии черного крестьянства. Перед нами встает поэтому тот же вопрос, который вставал в связи с «Беседой Валаамских чудотворцев». Соответствуют ли те выводы, к которым Нил Сорский, Ермолай-Еразм и Артемий приходили теоретически, материальным потребностям крестьянства как класса? Наиболее трудно утверждать это об идеях Нила Сорского: в своих произведениях Нил писал о необходимости духовного усовершенствования иноков, но не выступал против монастырского «стяжания» и вообще не касался «земных» вопросов. Вопросы эти были подняты только нестяжателями XVI в. и в первую очередь Вассианом Патрикеевым (которого, однако, никто не считает крестьянским идеологом). Но изменила ли бы реформа монастырей, предложенная нестяжателями, или податная реформа, предложенная Ермолаем, сколько-нибудь существенно основы феодального строя? Отражала ли она основные классовые стремления крестьянства? Ответ на этот вопрос, очевидно, может быть только отрицательным.

Связывая идеологию Нила, Ермолая-Еразма и Артемия с крестьянством, исследователи подчеркивают главным образом пассивный характер этой идеологии, «политическую инертность», «беспомощность и нереальность», вспоминая при этом характеристику патриархального крестьянства, данную в статьях В. И. Ленина о Л. Толстом. Однако такое восприятие статей В. И. Ленина несомненно является односторонним. Характеризуя в статьях о Л. Толстом идеологию патриархального крестьянства, В. И. Ленин подчеркивает как раз противоречивый характер идеологии этого класса, ее двойственность — соединение революционных настроений, «злобы и ненависти» по отношению к господствующим классам с пассивностью и политической инертностью. Насколько важной чертой крестьянской идеологии представлялись В. И. Ленину именно настроения протеста, видно из его замечаний о письме Белинского к Гоголю. Идеология Белинского

⁵⁹ Там же, стр. 137.

⁶⁰ Там же, стр. 168. В своем докладе «Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв.» (См. кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, стр. 115) А. А. Зимин согласился и с мыслью об идеологической близости Нила Сорского к крестьянству.